

Кошечая Дарья Валерьевна

Жрица Солнца

Дарья Кошечая
Жрица Солнца

«Издательские решения»

2015

Кошечая Д. В.

Жрица Солнца / Д. В. Кошечая — «Издательские решения»,
2015

Она появилась на свет в те времена, когда Боги спускались к людям, а воины кровожадных племен захватывали целые деревни. Олесья – девушка, словно рожденная быть лишней в спокойном укладе собственного Рода. Куда приведет ее гордость и непоколебимая сила характера?

© Кошечая Д. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Книга первая Жрица Солнца	6
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жрица Солнца

Дарья Кошечая

Тело волхва – это ножны для клинка духа.

У меня нет учителя,

Жизнь мой учитель.

У меня нет властителя,

Карна мой властитель.

У меня нет оружия,

Непоколебимая воля – мое оружие.

У меня нет крепости,

Непоколебимый дух – моя крепость.

И я умираю вновь

Чтобы родиться таким, каким я хочу.

*(Гимн из Ригведы —
священной ведической книги)*

© Дарья Кошечая, 2015

© Светлана Владимировна Кобелева, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Книга первая Жрица Солнца

Пролог

Хлопнули ворота. По мощеной дорожке через двор помчались две девочки. Та, что старше, бежала впереди, то и дело оглядываясь. Светлая рубашонка надувалась на ветру.

– Не догонишь, не догонишь! – кричала она, захлебываясь радостным смехом.

Младшая сестра молча следовала за ней. Колени были изрядно выпачканы серой глиной, волосы, прежде заплетенные в косу, теперь находились в полнейшем беспорядке, лезли в глаза и в рот.

Девочки были похожи. Легкие, тонкие, словно стрелы, выпущенные из лука; они обещали вырасти настоящими красавицами. Обе черноглазые и остробровые, с узкими нежно-белыми лицами и алыми губами. Будь сестры равного возраста, не всякий взялся бы различить.

И все-таки различия были.

Старшая из девочек остановилась возле дверей дома, чтобы отдышаться.

– Где тебе со мной тягаться, Олеся! – крикнула весело. Та, к кому она обращалась, пересекла только половину двора. Щеки Олеси покраснелись от бега. Сил оставалось мало. Да тут еще камешек попал под босую ногу, поранил кожу. Девочка вскрикнула, но останавливаться не стала. Дохромала до деревянного крыльца. Старшая сестра распахнула двери и юркнула в дом. Олеся упрямо следовала за ней.

– Скажи мне, как ты это делаешь, Злата! – настойчиво требовала она. Сестра обернулась, стоя уже на середине лестницы:

– Догонишь – скажу!..

Олеся из последних сил кинулась вперед, но куда ей угнаться за сестрой, ноги которой даже не касались ступенек!.. От обиды слезы подступили так близко, что заблестело, защипало в глазах.

Злата добралась до второго этажа:

– А я уже здесь! – и взмахнула руками. Зависла над полом. – Говорила тебе, глупая, не сможешь меня догнать!

Олеся опустилась на ступеньку, пытаясь справиться со сбившимся дыханием.

– Научи меня делать так же!

Сестра важно посмотрела на нее сверху и помотала головой. Опустилась на пол. Круто развернувшись на пятках, Злата пошла на чердак.

Глава первая

Олеся впервые так близко видела верховную жрицу. До сегодняшнего дня девочка была уверена, что та – и не человек вовсе. Ребяшня сельская поговаривала, будто в темноте у Ярины светится кожа, а один мальчонка даже видел орлиные крылья у жрицы за спиной. Но сейчас Олеся смотрела на обыкновенную женщину, застывшую в сених с закрытыми глазами. Хотя, обыкновенную ли? Гостья была такой высокой, что девочке приходилось задира голову, если она хотела увидеть лицо в обрамлении смоляных кудрей. Крупные завитки волос спускались к груди, свивались в узоры на теплом меховом коврике. Ярина напомнила большую птицу. Переглянувшись с сестрой, стоявшей рядом, Олеся даже приподнялась на цыпочках, заглядывая жрице за спину. Но крыльев не было.

Ярина открыла глаза, поклонилась фигуркам солнцеликой богине-матери Мира, и ее спутнику богу-отцу Трогу, которые стояли у входа, и только тогда поздоровалась с хозяевами дома.

– Как завещано богами, как говорю я: пусть день сменяет ночь, за зимой приходит весна, за летом осень, за выдохом вдох, за печалью радость, – произнесла жрица ритуальное приветствие.

– Да будет так! – хором ответили родители девочек.

– Я пришла говорить о вашей дочери, – скупой улыбнулся женщина. Олеся подалась вперед. Глаза у жрицы были темные, загадочные. Вот только Ярина смотрела вовсе не на Олесю.

– Подойди ко мне, дитя, – добавив в голос ласковых нот, молвила женщина. Злата, пунцовая от смущения и радости, сделала несколько шагов навстречу.

– Я наблюдала за тобой, и видела, что тебе покровительствуют стихии. А это главный признак, по которому жрица может выделить свою наместницу.

Отец и мать, стоящие за спиной дочери, затаили дыхание. Ярина сняла с шеи деревянный оберег.

– Умеешь ли ты читать, дитя?

– Обе наши дочери умеют читать, – с гордостью произнес Стоян, широкоплечий, мрачный на вид мужчина. Огладил бороду. Злата лишь кротко, боязливо кивнула Ярине.

– Тогда переверни оберег и прочти заклинание, что вырезано на обороте. Если боги действительно благосклонны к тебе, мы сразу это поймем.

Жрица вложила вещь в маленькую детскую ладошку. Злата осторожно приблизила оберег к своему лицу, разглядывая крохотные золотые буквы, вписанные в круг. Олеся повернулась к сестре, ей тоже хотелось посмотреть.

– Но в таком малом возрасте... – начала было Дубрава, сложив пухлые ладони на груди в оберегающем жесте. Она была в противоположность жрице низенькой, круглой, с маленькими добрыми глазами на широком румянном лице. Ярина лишь усмехнулась:

– Что может значить возраст, когда мы говорим о божественных дарах?

Все замолчали, только неплотно закрытая дверь поскрипывала на ветру. Злата несмело оглянулась на родителей, потом начала читать:

– О солнцеликая Мира, богиня-мать, прошу, дай знак мне, если я действительно наделена чудотворственными силами! Заставь мою кожу сиять, как твои лучи!..

Злата засветилась. Олеся не могла оторвать от нее взгляда, так прекрасен был этот свет. Ахнула Дубрава, бросилась вперед, хотела было обнять дочь, но потом отчего-то замешкалась и опустила руки. Через несколько мгновений сияние исчезло, словно его и не было. Только блики плясали в глазах. Злата робко улыбнулась.

– Это теперь твоё, – сказала Ярина. Олеся на миг показалось, что за строгим тоном кроется усталость и печаль. – Принадлежит по праву, как будущей жрице деревни.

Стоян подбоченился:

– Вы будите учить нашу дочку?

– Всему, что знаю сама, – подтвердила женщина.

Олеся тоже хотела, чтобы ее учила великая жрица. Она с завистью посмотрела на сестру. Ярина коротко простилась с хозяевами и вышла за дверь.

Прошло несколько дней. Злата ходила радостная и оживленная, и Олеся не переставала ей завидовать. Она решила во что бы то ни стало узнать, как сестра ее научилась светиться в темноте. Девочка запомнила слова, написанные на обереге, и теперь постоянно их повторяла. Каждый раз она оглядывала себя, но тщетно – ни тело, ни даже просторная рубашка, подпоясанная плетеным ремешком, не менялись. Злата, застав сестру за таким занятием, громко рассмеялась.

– Ты что, – удивилась она, – не понимаешь? Ты не сможешь этому научиться!

– Но почему?

Олеся в самом деле не понимала. Раз может Злата, сможет и она! Девочка прекрасно помнила – еще совсем недавно ее сестра ничем не выделялась среди детей, живущих в селении. Да, Злата была старше Олеси на два года, но именно Олесю, а вовсе не Злату всегда хвалили за недетскую серьезность и здравость ума. Так что же случилось? Однажды, когда вся деревня молилась Трогу о дожде, Злата, как и все, прошептала слова молитвы и вдруг застыла в нелепой позе. В тот же миг потемнело небо, а затем холодные капли обрушились на землю в таком неистовстве, будто прорвало небесную реку. Олеся удивилась, взглянув на сестру. У Златы был такой вид, словно она донельзя изумлена происходящим. Словно она впервые видит, как бог-отец Трог откликается на вознесенные ему молитвы. Да, этот дождь был очень сильным, таким, что превратил пшеничное поле в топкое болото. Но Олеся все равно не понимала, почему ее сестра так взволнована.

А через несколько дней произошло еще одно удивительное событие. Злата решила залезть на старую узловатую яблоню, что росла возле дома. Старшую из сестер манило зеленое яблоко, прячущееся в листве. Дождавшись, когда родителей отвлекут дела, Злата принялась неловко карабкаться по стволу. Потом ухватила за шершавую ветку обоими руками. Дерево застонало. Девочка хотела что-то сказать сестре, оставшейся снизу, но изо рта вырвался лишь испуганный вскрик, а в следующее мгновение она уже падала вместе с надломившейся веткой. Олеся закричала. Еще миг, и Злата удариться спиной о землю!.. Но вдруг падение замедлилось! Олеся видела, как ее сестра зависла в воздухе, потом медленно развернулась, так, что ноги оказались внизу, и столь же медленно опустилась вниз. На шум прибежали родители. Мама, рыдая, прижала к себе старшую дочь.

– Я взлетела, – дрожащим голосом поведала Злата, – взлетела!

И в подтверждение своих слов, Злата поднялась над землей. Родители переглянулись. Олеся думала, что сестру отругают за глупость, что отец по обыкновению молча возьмется за хворостину, а мать будет причитать... Но они почему-то улыбались.

С этого дня все изменилось. Родители были так горды! Не мудрено, ведь старшая дочь станет верховной жрицей деревни! А Олесю словно перестали замечать. Но она не унывала, потому что верила: не может такого быть, что чему-то нельзя научиться, если очень хочешь.

Злата вернула сестру из воспоминаний:

– Ты же слышала жрицу, рождается только одна девочка с чудотворственными способностями! Так уж заведено богами.

– Это получится и у меня! Только скажи, что надо сделать! – Олеся не собиралась сдаваться. Злата вздохнула. На ее лице отчетливо читалось: «Ну что за глупая у меня сестра, не понимает простых вещей!» Олеся схватила ее за рукав, не давая уйти. Злата сузила глаза:

– Хорошо, я расскажу тебе, что я сделала, чтобы получить такое.

Олеся, не сдержавшись, вскрикнула от радости.

– Это было очень-очень сложно, – добавила сестра. Олеся закивала и сжала ее руку.

– Я встала ночью, пока все спали, и тихонько вышла со двора...

– Но этого же делать нельзя!

– Вот именно, нельзя! – подтвердила Злата, – Но я вышла. Было ужасно темно. Я пошла через лес.

За окном крикнула птица, и девочки вздрогнули. Олеся представляла себе, как ее сестра идет одна через ночной лес, а черные ветки деревьев тянут к ней свои сухие лапы. Смогла бы так она сама? Не побоялась бы?

– Я шла, пока не вышла к Быстрянке, – продолжила Злата свой рассказ. Потом опять замолчала, облизала губы, раздумывая о чем-то. Выдохнула:

– Ну а потом я бросилась в речку!

– Она же такая холодная! – изумилась Олеся. Девочка знала, о чем говорит, ведь сама не раз трогала воду рукой. Быстрянка была леденящая, купаться в ней строго-настрого запрещалось.

«Если нырнешь в нее, то уже не вынырнешь», – не раз говорила мама, – потому что ноги твои заледенеют, и ты камнем пойдешь на дно!»

Олеся недоверчиво покосилась на сестру. Злата покраснела и отвернулась:

– Не хочешь, не верь! Сама ведь упрасивала рассказать тебе! Я так и знала, что не пове-ришь!

Олеся устыдилась.

– Нет! – воскликнула она. – Продолжай!

– Кинулась я в воду, а холодно мне не было, потому что вела меня сама Богиня Мира, – заявила Злата. – Я слышала, как тихий голос нашептывает мне: доплыви до солнечного камня!

– Богиня говорила с тобой?! – вскричала Олеся.

– Ты так и будешь меня перебивать? Как же тебе, глупой, объяснить? То был не совсем голос, а скорее внутреннее предчувствие... Я доплыла до камня, взобралась на него. И дождалась рассвета. С первыми лучами солнца я почувствовала, как волшебная сила проникает в мое тело, – Злата указала себе на сердце. – Вот и весь рассказ.

– Я тоже так сделаю!

– Нет, – отрезала сестра. – Ты еще слишком маленькая и у тебя ничего не получится.

Олеся насупилась. Она ненавидела, когда ее называли маленькой.

– Только никому не говори. Это будет наша с тобой тайна, – предупредила сестра и погрозила пальцем, подражая матери.

– Клянусь, никому не скажу, – заверила Олеся, внутри которой на самом-то деле все замирало от радости.

Она едва дождалась заката. Лежа на лавке, девочка вертелась, то и дело поглядывая на сестру. Наконец, Злата заснула. Олеся прислушалась: в доме было тихо. Для верности, она сосчитала до ста, потом аккуратно отогнула край одеяла, и свесила ноги на пол. Злата не проснулась. Олеся встала, на цыпочках прокралась к деревянному сундуку, где хранилась одежда. На нижнюю рубашу она натянула просторную теплую рубашку из козьего пуха, принадлежавшую матери, застегнула пуговицу на вороте, закатала длинные рукава, чтобы не волочились. Обулась в кожаные поршни, как-никак земля ночью холодная. Приоткрыв дверь, девочка выскользнула с чердака, и спустилась по лестнице. Тихонько вышла из дома. Во дворе царствовала смоляная ночь. Олеся добежала до забора, оглянулась – никого. Сдвинула деревянный

засов, вздохнула и пробралась за ворота. Сразу за домом начинался лес. Если бы чужеземному путнику довелось заплутать в этом лесу такой темной ночью – нипочем не нашел бы он дорогу, так и сгинул бы, угодив в ямину или болото. Но Олеся хорошо знала окрестности, память вела ее сквозь кромешную тьму по едва заметной тропке. «Не стану думать, как здесь страшно!» – повторяла себе Олеся. – Ведь смогла же Злата, смогу и я!..» Но вот, наконец, деревья расступились, и показалась Быстрянка, что с двух сторон огибала деревню.

Если глядеть с берега, увидишь огромный плоский валун, который поднимается из воды прямо посередине реки. В народе камень этот кличут «солнечным», исстари зная, что золотистым блеском встречает он первый лучик солнца на рассвете каждого дня. Олеся шла вдоль кромки, пока не оказалась напротив камня. Река шумела и плескалась. Трогать не нужно – и так понятно, холодная, колючая вода. Девочка замешкалась. Решимость, только что бившая ключом, вдруг иссякла, отступила перед широкой, быстрой рекой. Но возвращаться назад? Олеся скинула поршни, стянула теплую рубашку через голову. Земля холодила ноги. «Не буду мешкать! – решила девочка, – не стану раздумывать. Если суждено прислужникам Олии, водяным, утащить меня на дно, значит, так тому и быть!..» Олеся прошептала две коротенькие молитвы, одну обратила к солнцеликой богине Мире, другую – к ее дочери, Олии, покровительнице воды. «Защити, помоги...» И кинулась в реку. Сотни ледяных иголок впились в тело, испугали сердце. Бурный водоворот тут же подхватил девочку, потащил за собой. Вода накрыла с головой. Олеся, как могла, барахталась, стараясь дотянуться до камня. Сил оставалось все меньше. В какой-то момент, ослепшая от брызг, задыхающаяся, замерзшая, подумала: – «Утопну сейчас». Как вдруг девочку схватило, поволокло вперед. Кто-то взял ее за руку, дернул, и вытащил из воды прямо на каменную поверхность. Олеся подняла глаза. Перед ней висела в воздухе прекраснейшая дева, будто сотканная из голубого тумана. Длинные волосы развевались в разные стороны, словно шелковые ленты, глаза смотрели ласково, но серьезно. Чудное платье сверкало рыбьей чешуей и морской пеной. Это была Олия, покровительница воды, старшая дочь богини.

– Зачем ты ищешь гибели, невинное дитя? – молвила женщина. Уже потом Олеся будет удивляться, как не сообразила поклониться, видно ледяная вода совсем замутила разум. Но тогда она только разлепила синие от холода губы, и тихо сказала:

– Не ищу я гибели! Сестра моя искупалась в этой речке, вылезла на камень и одарила ее богиня волшебными силами! Теперь будет Злата следующей жрицей в нашем поселении! Разве... Разве я не достойна того же? Разве не стала бы так же предано служить богине?

Олеся замолчала. Последние слова, слетевшие с языка, показались наглыми и самонадеянными. Девочка потупилась. Щеки запылали от стыда. А ну как сейчас Олия столкнет ее, неразумную, в воду, да там и оставит. И поделом!..

– Не ведаю, про какую девочку ты говоришь, но вижу – есть в тебе жгучее желание служить богине, – произнесла Олия задумчиво, – Что скажешь, мама?

Рядом с женщиной появилось в воздухе лицо, обрамленное золотыми локонами. Медовые глаза посмотрели прямо на Олеся, и девочку обьяло теплом и спокойствием. В этот же миг ночь превратилась в раннее утро, и камень заблестел под босыми ступнями.

– Я не откажу в милости, – тихо сказала богиня Мира, – но мой дар не для детских игр. Он будет в тебе, Олеся, но не явится ради забавы.

Солнце на миг ослепило девочку, а когда она снова начала видеть, вокруг никого не было. Волна ударила о камень и разлетелась хрустальными брызгами. Там, в глубине ледяной реки Олеся почудилось прекрасное лицо Олии.

– Ложись на волну, – пронеслось над поверхностью воды, – Доставлю тебя к берегу.

Олеся доверилась голосу, присела на корточки, а потом плавно соскользнула вниз. Вода приняла ее, словно девочка была птичьим перышком, понесла обратно к берегу и аккуратно

оставила на песке. «Спасибо!» – прошептала Олеся, и уж собиралась подняться, как услышала голоса родителей. Так и есть, из-за деревьев вышли отец и мать, а за ними и сестра. Бледные испуганные, они одели девочку, закутали, и потащили за собой. А потом уж началось! Кричали так, что с веток слетали птицы. Бранили неразумную дочь. А Олеся и хотела б все объяснить, да помнила про уговор с сестрой. Девочка ждала, когда останется с Златой наедине и, наконец, всласть наговорится.

Отец истопил баню и отвел туда Олеся. Это была маленькая деревянная изба с низким потолком и закопченными стенами. В углу пытела печь-каменка, рядом в круглой бадье отмокали березовые веники. Олеся исхитрилась и, крепко схватив сестру за руку, потянула за собой. Отец спорить не стал, хмуро поглядел на дочек и вышел, плотно прикрыв за собой тяжелую дверь. Хотя и промолчал батюшка, Олеся доподлинно знала – выйдешь из бани до срока – осерчает не на шутку! Девочки разделись, повесили одежду на крюк у входа и сели на деревянную лавку.

– Спасибо тебе! – сказала Олеся, хотела обнять сестру, но та отстранилась и начала всхлипывать:

– Будет тебе издеваться! Я как лучше хотела, не думала же, что ты одна ночью в лес пойдешь!

– Ты о чем? – удивилась Олеся. Злата утирала слезы кулаками.

– Будто не знаешь!

– Да что же ты плачешь! – взмолилась девочка, – У меня все получилось! Я доплыла до солнечного камня, мне явилась Олия, покровительница воды, и сама богиня Мира! Они даровали мне свою милость!

Злата отняла руки от лица, и странно посмотрела на сестру.

– Не может быть! – сказала она.

– Да как же не может? У тебя ведь именно так и было!

Злата затрясла головой:

– Нет! Я придумала все это, чтобы ты от меня отстала с глупыми вопросами! На самом деле я ничего не делала, чтобы получить чудесные способности, они просто проявились во мне. Еще до моего рождения боги отмерили мне капельку высших сил... Так мама сказала! А про тебя она сказала, что ты обычная девочка и никогда не сможешь стать такой как я!

Олесе почудилось, будто в словах сестры мелькнуло злорадство, так же, как и во взгляде ее карих глаз.

– Но я и правда видела богиню! – воскликнула девочка, покрасневшая от банного жара.

– Докажи! – велела сестра, – Вот так можешь? – и Злата приподнялась над полом. Олеся поняла что нет, не может, и покачала головой.

– Ну, тогда и нечего врать!

– Я не вру!

– Врешь!

– Не вру!

Не дело это – ругаться в бане, где сходятся вместе три стихии – воздух, огонь, и вода, так и боги могут осерчать. Прикажут банному духу плеснуть кипятком или горячим камнем кинуть – навсегда увечным останешься. Олеся замолчала и проглотила злые слезы. Не поверила ей сестра.

Так и родители не поверили, рассказ о явлении богини Миры назвали детскими похвастушками. А когда пожелтела листва, и пришла в дом верховная жрица, не преминули приписать Злате еще одно чудесное умение – предсказание. И выходило у родителей, будто младшая дочь, дурища неблагодарная, ушла ночью из дому, а Злата увидела во сне, где искать горесестру, и разбудила отца с матерью. Олеся молчала – взрослых не переспоришь.

жрица Ярина и Злата скрылись в доме, а Олеся вынуждена была остаться во дворе – помогать матери белить холсты. Уж как хотелось девочке увязаться за сестрой и послушать, чему будет учить жрица!

– Мни, мни сильнее! – прикрикнула Дубрава. Олеся вздохнула и запрыгала на развернутом холсте. Мама вылила ей под ноги ведро колодезной воды. «Вот дурацкое занятие!» – думала Олеся, поглядывая вверх. На миг ставни распахнулись, и в чердачном окне показалась голова сестры. Злата состроила обидную рожицу и тут же исчезла. Олеся топнула ногой, да так, что заняла ступня.

– Мама,пусти меня посмотреть, как жрица учит Злату! – взмолилась девочка. Дубрава, расстилающая полотна льна по двору, разогнула спину и утвердила руки на боках:

– Нечего тебе там делать. Только мешаться будешь.

– Не буду! – заспорила Олеся.

Мать только головой покачала:

– Это для Златы наука, а тебе бесполезные знания. Ты вот лучше учись холсты белить, всяко в жизни больше пригодится.

Олеся скрипнула зубами, яростно вминая влажную ткань в землю. Перед ее мысленным взором встала жрица Ярина. Вот кто ей поверит! жрица мудра, она поймет, что случилось небывалое! Ярина объяснит родителям, что их младшая дочь тоже одарена богиней! «Верховная жрица будет учить и меня!» – подумала девочка и улыбнулась своим мыслям. Дубрава радостно кивнула, думая, что ее слова наконец достигли сердца неразумной дочери.

Когда холсты были как следует отбиты, Дубрава развела костер во дворе. В дубовые бочки затолкали льняные полотна, залили кипящей водой и щедро присыпали золой. Олеся надлежало вытаскивать раскаленные камни из костра и бросать их в бочку. Сквозь густой пар, девочка едва различила фигуру жрицы Ярины, выходящей из дома. Олеся бросила железные щипцы на землю и поднялась с колен.

– Куда? – окликнула мать.

– Мне нужно поговорить со жрицей!

И, пока не остановили, девочка со всех ног бросилась к Ярине. Казалось, жрица удивилась, увидев перед собой запыхавшуюся Олеся, изломила смоляную бровь.

– Что тебе, девочка?

Олеся запнулась, наткнувшись на безразличный взгляд, но все-таки выговорила заплетавшимся от волнения языком:

– Я видела богиню Миру и дочь ее, Олию на реке...

– Такое иногда случается с людьми, если они оказываются на краю гибели, – перебила Ярина.

– Богини наделили меня волшебным даром! – вскричала Олеся. Женщина хмуро дернула плечом и скривила тонкие губы.

– Как ты разговариваешь с верховной жрицей! – подошедшая Дубрава схватила дочку за плечо.

– Но это правда! – Олеся вывернулась из рук матери и снова оказалась перед жрицей.

– Вызови дождь, – сказала Ярина. Олеся осеклась. Посмотрела на небо – ни облачка.

– Я...

– Вызови дождь, – повторила жрица. Девочка беспомощно оглянулась по сторонам, словно ища то, что сможет ей помочь, но встретившись глазами с матерью, потупилась. «Дождь! – мысленно взмолилась Олеся. – Пролейся на землю!» Но ничего не произошло. Тогда Олеся забормотала молитву, которую всей деревней читали на пшеничном поле в месяцы засухи: «Отец небесный Трог, яви милость детям своим!... Как слезы капаят, так души с дождем на землю возвращаются; как слезы на щеках остывают, так земля без дождя высыхает».

Олеся замолчала, на всякий случай втянув голову в плечи. Но с неба не упало ни капельки. Жрица коротко рассмеялась и пошла прочь со двора. А Олеся осталась стоять, сгорая от бессильного, злого стыда.

Всю ночь девочка не сомкнула глаз, а утром, увидев Ярину, поднимающуюся на крыльцо, снова бросилась к ней.

– Возьмите меня в ученицы!

– У меня уже есть ученица, – был ответ. Как обухом по голове!..

– Но богиня Мира...

– Нет в тебе искры богини, я бы почувствовала.

Лучше б ударила. Олеся задохнулась от горя. Жрица лишь отодвинула девочку в сторону, да как! Не рукой – рукавом, будто брезговала коснуться.

– Я думала, вы мудрая, – вырвалось у Олеси. Ярина резко повернулась и ухватила девочку за ухо:

– А ну-ка пойдем!

И потащила Олесю за собой. Руки у жрицы были сильные – не вырвешься. Олесе оставалось только плакать от обиды и злости. Родители были в горнице. Дубрава пряла, а Стоян, сидя на лавке, чинил упряжь. Увидев жрицу, они вскочили. Ярина, наконец, отпустила девочку и подтолкнула вперед. Дубрава всплеснула руками:

– Что случилось?

– Ваша младшая дочь больна рассудком, – зло выговорила Ярина, – И она мешает нашим занятиям с Златой!

– Больше вы Олесю рядом с собой не увидите, – сказал Стоян, строго поглядев на всхлипывающую девочку.

– Я на это надеюсь. Иначе перестану заниматься со старшей сестрой!

Дубрава прижала пухлые ладони к пылающим щекам – какой стыд!

– Мы обещаем, – сухо сказал отец, – Такого больше не повторится.

Жрица ушла, и не появлялась в доме целую неделю. Когда Ярина снова показалась на пороге, Олесю положили спать в сенях на плоском сундуке, что стоял в углу, пониматься же на чердак строго настрого запретили. С этого дня жизнь девочки окончательно изменилась.

Глава вторая

За неделей месяц, за месяцем год, а за годом другой, так и прошли шесть лет. Злата выросла высокой, статной; Олеся все чаще думала, что лицом ее сестра больше походит на жрицу Ярину, чем на собственную мать – тот же остроносый профиль, то же холодное превосходство в глазах. Злата теперь не смеялась – кривила губы в подобии усмешки, такую же Олеся не раз видела на лице Ярины.

Ну а что же сама Олеся? Она подросла, была стройна и румяна, считалась бы даже миловидной, да только глаза смотрели не ласково. «Ты похожа на колючку!» – не раз дразнила Злата и норовила растрепать волосы. Олеся не оставалась в долгу, и каждый раз едва не доходило до драки. Дружбы меж сестрами не водилось, о чем порой громко сокрушалась мама. Вот и сегодня целое утро убеждала их вместе пойти на Весницу – сельский праздник в честь окончания долгой зимы. Олеся только отнекивалась, Злата безразлично пожимала плечами. В конце концов, Дубрава тяжело вздохнула, и оставила дочерей в покое.

Олеся толкнула тяжелую деревянную дверь и вышла на крыльцо. Яркое солнце ослепило, выбило слезы из глаз – хороший, погожий день! Скрипнули ворота и во дворе появились трое парней. Олеся смотрела, как они неуверенно приближаются к дому. Остановились перед крыльцом. Заговорил самый высокий, его звали Дрозд:

– Здравствуй, Олеся; дома ли твоя сестра?

Этот Дрозд давно являлся Олеся во снах. Да и не только ей, все деревенские девчонки, верно, сходили по нему с ума. Олеся улыбнулась ему одному, и заинтересовалась:

– Зачем тебе Злата?

– Мы хотели пригласить ее пойти с нами на праздник, – заявил полный веснушчатый парень. Олеся не водила с ним знакомства, но слышала, что парня кличут Карась. Был он весь какой-то не ладный, бледный, рыхлотелый, с маленькими бесцветными глазками на круглом рябом лице.

– Пойди и ты с нами! – радушно улыбнулся третий. Горислав. Его Олеся знала прекрасно, он жил в соседнем доме и не раз составлял компанию в детских играх.

– Что ж...

Олеся повернулась к дому лицом и подняла голову.

– Злата! – крикнула она громко. На третьем этаже хлопнули ставни, и показалась сестра.

– Ты звала меня? – удивленно спросила она.

– Тут к тебе пришли. На праздник приглашают. Пойдешь?

Злата посмотрела вниз и кивнула:

– Что ж не пойти.

– Подождите здесь, – бросила Олеся через спину, и скрылась в доме. Злата уже вприпрыжку спускалась по лестнице.

– Я пойду с тобой, – сказала Олеся, но в голосе прозвучал вопрос. Из кладовой вышла мама, утирая мокрые руки о передник:

– Собрались все-таки?

– Да вот, Олеся напросилась, – хмыкнула Злата. Олеся покраснела, но промолчала. Ничего, она потерпит ради возможности идти рядом с темноволосым Дроздом!..

– Так уж и быть, присмотрю за младшей сестренкой.

– Добро! – сказала мама и улыбнулась так обрадовано, что у Олеся защемило сердце. Пускай Злата болтает что хочет, язык у нее без костей.

В сенях Злата помедлила и шепнула на ухо Олеся:

– Учти, Дрозд моим будет.

Та лишь плечами пожала, мол, мне-то что за дело, а саму как мешком по голове... Вышли из дому. Парни ждали возле ворот, спинами к дому. Вот они обернулись на звуки шагов, и их лица засветились неподдельной радостью. Злата вскинула подбородок, медленно и с достоинством поплыла по двору, подметая землю длинным подолом нарядной рубашки. Руки ее скрывались под полушубком из лисьих хвостов, а волосы были украшены яркими бусинами и тонким серебряным венцом. Олеся подумала, что сама она в простом овечьем полушубке поверх беленой рубахи смотрится совсем уж жалко. Тем временем молодые люди склонили головы в почтительном приветствии.

– Как завещано богами, как говорю я: пусть день сменяет ночь, за зимой приходит весна, за летом осень, за выдохом вдох, за печалью радость, – произнесла Злата и впилась взглядом в Дрозда.

– Пусть будет так, будущая жрица! – парень порозовел лицом и несмело взглянул на девушку. Олеся споткнулась. Может остаться дома?

– Хорошо, что решила пойти с нами! – воскликнул Горислав. Олеся даже не сразу поняла, что парень обращается именно к ней. А когда поняла, то решила считать это добрым знаком и назад не поворачивать.

Деревья были украшены праздничными венками, сплетенными из разноцветных лент, на широких кряжистых пнях лежал хлеб – угощение для лесных обитателей, будь то звери или духи. Злата шла чуть впереди, громко смеялась и шутила, Дрозд и Карась внимали каждому ее слову. Олеся с Гориславом за их спинами болтали о безделице.

Через пролесок вышли на сельскую улицу и свернули на центральную площадь. Гуляние было в самом разгаре! В вывернутых мехом наружу одеждах плясал народ, рычали ряженные, изображая проснувшегося после долгой зимы медведя. Женщины-мастерицы на разные голоса расхваливали свою выпечку и раздавали желающим комы – ароматные хлеба из гороховой муки. Злата взяла один ком и, сделав маленький укус, отдала Дрозду.

– Попробуй и ты!

Олеся сжала зубы и отвернулась. Ее взгляд поймал седой старик, сидящий на перевернутой бочке. Он наклонился к мальчонке, примостившемуся рядом, и сказал:

– Запомни, мой мальчик, нет сущности опасней, чем женская...

– Почему, деда?

– Да потому, что женщина изменчива, как ветер по весне!

– И даже богиня Мира?..

– Тем более богиня! Знаешь ли ты, как появился на свет Ирган, владыка царства мертвых?

Мальчик помотал головой. Олеся подошла ближе, желая послушать. Старик взглянул на Олеся и кивнул, не противясь ее присутствию, потом начал свой рассказ:

– Это случилось в те далекие времена, когда на земле еще не было ночи. Боги и люди жили счастливо, не зная бед. У богини Миры и небесного отца Трога подрастали две прекрасные дочери: Олия и Яла. Пришло время, и богиня Мира вместе с дочерьми отправилась на землю, дабы оставить дочерей своих помогать людям. Как ты знаешь, Яла стала покровительствовать земле, а Олия воде.

– Богиня Мира спускалась на землю? – разинул рот мальчишка.

– Конечно, спускалась, – терпеливо ответил старик, – И ходила среди людей, притворившись земной женщиной.

– Вот это да!

– А что случилось дальше? – не выдержала Олеся. Ее родители, конечно, чтити богов, но никогда их не обсуждали, считая это делом сомнительным. Тому и дочерей своих учили. Да только как удержаться от любопытства?..

– А дальше... – вздохнул старец, – Богиня Мира влюбилась в человека. И то был не простой человек, а самый первый на свете злой колдун, рожденный мертвой женщиной в середине зимы. Его звали Смол.

– Он околдовал богиню, чтобы она в него влюбилась? – спросил мальчик.

– Нет. Не возможно земному колдуну, пусть даже очень сильному, наложить заклятие на саму богиню!..

– Но тогда... Я не понимаю...

– Любовь женщины непостижима и крепка, – старик снова взглянул на Олеся.

– Но он же был злой... – промолвила девушка. Мужчина кивнул.

– Мира полюбила Смолу так же сильно, как любила Трога. От этого союза родился Ирган. Когда Трог узнал о том, что случилось, он послал на землю страшные молнии и велел им убить Смолу и его сына. Мира и Смол сумели спрятать Иргана в глубоком подземелье, но сами не спаслись. Смолу пронзило молнией, а богиню Миру унесло обратно на небеса. И с тех пор день стал сменяться ночью, такой же черной, как тоска богини по злому колдуну.

Олеся поехала и непроизвольно взглянула на небо. Ей никогда не приходило в голову, что боги тоже могут быть несчастны.

– Интересно, а он был симпатичный, этот Смол? – задумчиво протянула Злата. Олеся хмыкнула: кто о чем, а вшивый всегда спросит о бане!..

Старик Баюн закончил свой рассказ, не спеша поднялся, и скрылся в доме, забрав с собой любопытного внука. Злата бросила на сельскую площадь скучающий взгляд, и потянула всех за собой туда, где был накрыт длинный праздничный стол. За столом почтенно восседали престарелые матери и отцы рода, и зорко наблюдали за гуляющим народом, рядом старейшина Жизномир, уже изрядно набравшийся хмельного меда; Ярина сидела обособленно, ни на кого не глядя, ни с кем не заговаривая, хотя Жизномир не раз обращался к ней с вопросом. Злата взглянула на жрицу и склонила голову в поклоне; это было так нарочито, что Олеся внутренне скривилась, остальные же посмотрели на Злату с почтением. Ярина едва кивнула головой, но и этого хватило.

– А как скоро ты станешь верховной жрицей? – словно бы невзначай спросил Дрозд, так тихо, что Олеся едва слышала его взволнованный шепот.

– Да может и скоро, – таким же шепотом ответила Злата, и, не удержавшись, нервно хихикнула. – Ярине нынче нездоровится.

– Жрица захворала? – услышав, переспросил Горислав. Злата обернулась к нему и смерила презрительным взглядом:

– Не твое дело! И болтать не смей, слышал?!

Горислав лишь покачал головой. Олеся в этот момент он показался близким человеком, ближе, чем кто-либо. Он, кажется, видел Злату насквозь, и ни капли не обманывался на ее счет.

– Не обращай внимания, – тепло улыбнулась девушка. Конечно, Дрозду она улыбалась бы слаще и милее, да только Дрозд на нее даже не смотрел. А Гориславу хватило и малого, чтобы он расцвел и махнул рукой, мол, ерунда.

– Сходим на реку, я хочу благословить новую воду, – гораздо миролюбивее предложила Злата, устыдившись своей вспышки раздражения. «Она и без тебя потечет», – подумалось Олеся, но вслух прекословить не стала. Уходя, взглянула на жрицу. Женщина все также неподвижно сидела за праздничным столом, словно каменное изваяние, только ветер раздувал черные волосы и трепал шерстяную накидку. Больной Ярина не выглядела. Олеся не нашла ни единого изъяна на бледной коже: ни язвочки, ни ямочки. «Врет, наверное, сестра», – подумала девушка.

Узенькая речушка, сестрица Быстрянки, носившая прозвание Малая из-за скромных своих размеров, все еще была закована в лед, так что Злата попросила парней расчистить

хотя бы самую кромку. Молодые люди споро принялись за дело, кидая камни на тонкую наледь возле берега.

– Смотрите, Умершая! – вдруг воскликнул Карась, указывая на противоположный берег. Олеся не сразу ее разглядела, женщина сидела неподвижно, вся в белом, спрятав лицо в руках, так что сливалась с засыпанным снегом зарослями ивняка. Злата глянула на Умершую нехорошим взглядом и скривила рот.

– Прогоните нечистую, она помешает мне провести обряд!

– Эй ты, иди отсюда! – зычно крикнул Карась. Женщина дернулась, но осталась на месте, только еще больше сторбилась. Парень зло сплюнул и швырнул маленький камешек, который до того держал в ладони. Камень приземлился возле самых ног Умершей.

– Перестань! – воскликнула Олеся, но Карась и не подумал ее слушать. А что же его друзья? И Дрозд и Горислав стояли с беспомощными лицами, словно малые дети и молча наблюдали за происходящим.

– Она же Умершая, ей не место среди живых, – спокойно сказала Злата. – Пусть радуется тому, что наш род милостиво разрешил ей ходить по земле.

Да, Олеся знала, что когда-то вместе с погибшими мужьями предки клали на костер и их жен, ведь этим женщинам больше незачем было находиться среди живых. Но нравы смягчались, обычаи уже не были столь строги, и таких женщин теперь оставляли в живых, совершая обряд погребения над соломенной куклой, которую клали рядом с почившим мужчиной. Боги были спокойны, женщины же возвращались в дом родителей и раз и навсегда становились изгоями без имени. Они не должны были привлекать внимание богов, потому им предписывалось молчать, уединившись. Да и кто бы захотел с ними говорить? Ведь и не знаешь наверняка, человек ли перед тобой, или злой дух, который только и ждет, что ты повернешься к нему спиной...

Но Олеся не видела злого духа, а видела обычную женщину, усталую и несчастную, постаревшую раньше срока. Как же ее звали раньше? Арника? Кажется, она была очень красивой. Олеся помнила ее совсем другой, гордой и высокой, потому сразу не узнала. А как она пела!.. Всей деревней собирались, чтобы послушать чудесный голос. Муж Арники, кажется, не вернулся с охоты на вепря. Так и принесли, надетого на клык забитого зверя. Арника с тех пор больше не проронила ни звука. «Может предки были правы? – подумала Олеся. – Зачем мы держим бедную женщину? Разве нужна ей такая жизнь?» Тем временем Карась все более разъярялся, и уже кричал что-то обидное, швыряя камни на другой берег один за другим. Некоторые попадали в женщину, но она только вздрагивала, не двигаясь с места.

– Дура! – сплюнула Злата.

– Да она болеет рассудком! – догадалась Олеся и поймала парня за руку. – Хватит!

Карась хмуро остановился, взвешивая на ладони приличный булыжник. «Таким и голову проломит!» – ахнула Олеся.

– Арника, иди домой! – крикнула девушка, стараясь, чтобы голос звучал доброжелательно. Женщина подняла голову. «Ступай же, болезная! – мысленно взмолилась Олеся. – Хватит кликать беду!»

Медленно, очень медленно Арника поднялась и пошла прочь, увязая в мягкой снежной каше. Карась хищно оскалится и, сделав несколько быстрых шагов для разбега, запустил булыжником в след уходящей фигуре. С хрустом лопнул лед под ногами парня, и Карась мешком повалился в холодную воду, а камень ударился о ствол березки в нескольких локтях от головы Умершей. Береза застонала, Карась завизжал по-бабьи, хватаясь руками за скользкие осколки, но сполз обратно в воду. Ушел с головой в реку. Вынырнул, хватая ртом воздух. Подавился и вновь скрылся под водой.

– Что встали! – прикрикнула Олеся. Парни, очнувшись, засуетились возле берега.

– Руку хватай, руку! – кричал Горислав, но Карась, захлебываясь и молотя ладонями вокруг себя, никак не мог дотянуться. Олеся уже сломала крепкую ветку и отдала ее Дрозду.

– Ну же! – крикнул тот, становясь на корточки и протягивая ветку как можно ближе к приятелю. Карась схватился за дерево дрожащими руками. Горислав и Дрозд выволокли парня на берег.

На Карася было страшно смотреть. Он посинел и, кажется, еще больше распух. Ноги не держали парня, впрочем он и не пытался встать, скрючился на земле. Трясаясь и захлебываясь от натужного кашля, Карась протянул слабую ладонь в сторону Златы:

– ...жрица... Помоги!

Девушка, и так бледная сверх обычного, побледнела еще сильнее и отшатнулась.

– Я не знаю... – бормотала Злата, пятась. – Не знаю... Я позову кого-нибудь... Сейчас! Я быстро!

Олесю будто толкнуло вперед. Она упала на колени и приложила ладони к трепещущей груди Карася.

– Жарко, – пролепетал он. Глаза парня закатились. Злата, увидев такое, вскрикнула. Что было сил припустила вверх по склону.

Олеся уже не смотрела на нее. Что-то внутри подсказало, как поступить. Приподняла Карася за плечи. Провела рукой от его сердца к горлу. Парень захрипел. Что-то клокотало и булькало у него внутри. Снова закашлялся, извергая воду изо рта вместе со сдавленными рыданиями.

Злата вернулась не одна. За ней бежали, кажется, все жители деревни, гулявшие на празднике. И мама Карася, и разом протрезвевший старейшина, и жрица Ярина. Подростков оттеснили. Жрица, как совсем недавно Олеся, опустилась на колени перед юношей, и положила на его грудь узкие худые ладони.

– Сыночек! – всхлипнула Ждана. Карась к тому времени выглядел гораздо лучше, хотя еще и не вполне пришел в себя.

– С мальчиком все в порядке, моя ученица его спасла, – сказала Ярина и поднялась. – Отогреется, завтра даже не чихнет.

Карась хотел что-то добавить, но мать только еще больше запричитала, помянула всех богов. А закончив, повернулась к Злате и начала благодарить. Девушка смущенно кивала, то и дело поглядывая на Ярину.

– Хорошая у тебя будет замена! – благожелательно сказала Тарасья, одна из старейших матерей рода. Жизномир потрепал Злату по плечу и отошел. Олеся наклонилась к сестре:

– Ты же ничего не сделала! Это я ему помогла!

Злата дернулась было, потом нахмурилась и опустила глаза. «Правды она никому не откроет», – осознала Олеся, окончательно разочаровавшись в сестре. Поискала глазами Дрозда и Горислава. Те хвастали родителям, как ловко они вытянули утопающего из воды. Рассердившись, девушка быстро вскарабкалась по склону и покинула негостеприимный берег реки.

Ночь была непроглядно черной, наверно сегодня богиня Мира снова вспоминала своего погибшего возлюбленного. Олеся сидела на крыльце, наслаждаясь морозной тишиной. Да и как заснешь, когда позади такой странный день? Признаться, иногда девушка сомневалась в своем рассудке и вовсе не считала себя особенной. Пожалуй, она привыкла к мысли, что явление Олии и богини Миры на реке ей когда-то просто померещилось. Ведь именно это ей раз за разом втолковывали мать и сестра. Но сегодня Олеся ясно осознала – она обладает даром богини! Что это за дар, девушка пока не понимала, но помнила целебное тепло в своих ладонях, когда касалась захлебывающегося Карася.

Размеренное течение ночи прервал неясный шум в лесу, а потом кто-то побежал по дорожке к воротам и громко, требовательно постучал.

– Кто там? – обеспокоенно крикнула Олеся.

– Отца буди, быстрее!.. – заторопили с той стороны. Девушка узнала голос Трофима, Горислав приходился ему четвертым сыном. Олеся только поднялась на ноги, как хлопнула дверь и показался Стоян, уже одетый и подпоясанный.

– Что случилось? – потребовал он ответа, проигнорировав ночные посиделки дочери – не до того!

– В лесу кто-то ходит, чужой. Рыжка забрехала, – неохотно ответил Трофим, предпочитая, видимо, личный разговор. (Рыжкой звалась палевая сука, что жила у Трофима во дворе. Эта старая, не красивая собака всегда первая поднимала лай, стоило только не знакомому человеку ступить в лес за пять верст от деревни. Чувствовала она и расшалившуюся нечисть, лешаков да водяных, вздумавших погулять в округе. Был у Рыжки только один недостаток – тихий, простуженный лай, который можно было услышать, только случайно оказавшись рядом.)

– Не к добру это! – раздался ворчливый голос Мирона, еще одного из достойных мужей деревни.

Стоян взглянул на дочь, буркнул:

– Иди спать! – и опрометью кинулся к воротам. Олеся проводила его взглядом, и с тревогой оглянулась по сторонам. Темнота теперь показалась ей злобшей и неприятной. В дальних домах только сейчас залаяли деревенские собаки. Пойти спать? Но как уснешь, когда вокруг происходит что-то... пугающее? А может в лесу заблудились несчастные путники?.. Олеся нервно зашагала по двору, не в силах уйти в дом, и даже не в силах усидеть на месте. Вдруг что-то хрустнуло, показалось, что совсем близко. Олеся стремглав бросилась к забору, выглянула в маленькую щель между не плотно пригнанными бревнами, но ничего, конечно не увидела. Тогда, не раздумывая, она приоткрыла ворота и вышла на дорожку. Ох, как темно! Снова шорох в кустах. Олеся застыла, как испуганный зверек. Скрип, скрип – снег под чьими-то ногами.

– Всё! – крикнул вдалеке Трофим.

– Кажись, всех взяли! – вторил ему голос Олесиного отца. Словно в подтверждение его слов, замолчали и собаки. Но Олесе казалось – рядом кто-то есть. Вот метнулась тень, или примерещилось? Девушка несмело дошла до зарослей, глянула – нет никого. Точно показалось. Олеся подумала, что хорошо было бы вернуться в свой двор, но не сделала ни шагу. Постояв немного в раздумьях, она, наконец, махнула головой, и как можно тише пошла по направлению к дому старосты Жизномира. Догадка оказалась верна, возле калитки уже собралась добрая часть деревенских мужиков. Тихо переговариваясь между собой, они скрылись в доме. Олеся, никем не замеченная, вылезла из-под разлапистой елки, и с прыжка взобралась на забор. Спрыгнула уже с другой стороны, в сугроб, очистила лицо от снега и, пригнувшись, бросилась через двор. Под окном, спрятавшись за старыми почерневшими бочками, девушка, наконец, позволила себе отдышаться. В ладонь ткнулся Дым, старый пес Жизномира. Олеся потрепала черную с проседью шерсть, пес лизнул ей руку и, вздохнув, улегся рядом, положив умную морду на лапы. Девушка замерла, вслушиваясь, стала одним и тем же, что тихая глухая ночь. И услышала вот что:

– Их было трое, – сказал, вроде бы, Мирон.

– Это люди? – хрипло уточнил староста.

– Трудно сказать, – ответил Стоян. – Взгляните сами...

Шаги. Дверь распахнулась и темные фигуры вышли во двор. Олеся нырнула в снег, и кажется, перестала дышать. Под ее рукой пес завертелся, застучал хвостом, но, слава Богам, не сдвинулся с места. В это время староста склонился над чем-то за крыльцом, откинул прочь длинный отрез материи.

– Люди, – сказал он, впрочем, без особой уверенности.
– Взгляните на глаза, – посоветовал Трофим. Староста глянул и отшатнулся.
– Нечисть, – пробормотал Мирон и сплюнул. – Рыскали в нашем лесу, что-то высматривали... Сработали охранные обереги, поставленные жрицей вокруг деревни, а там уж и мы подоспели!

– Тела надо сжечь, – сказал Жизномир. – На рассвете созовем совет и решим, что делать дальше.

Мужчины закивали. Потом кто-то спросил:

– А где же жрица? Надобно у нее узнать, как лучше сжигать эту пакость!

– За Яриной я уже послал, – ответил староста, – она сейчас появится.

– Что-то жрица не слишком спешит! Почему она не подсобила нам в борьбе с нечистью? – задался вопросом низенький коренастый мужичок с ярко-рыжими усами и кучей бороденкой. Олеся узнала в нем отца Карся, даже голос был похож. На него зашикали, но Карась-старший нимало не смутился:

– Что ей бы стоило, скажите, братцы? А я чуть голову не сложил, когда этот здоровенный на меня из-за кустов вылетел!

– Почтенная жрица плохо себя чувствует, – отрезал Жизномир, – она...

Но вдруг замолчал, потому что в ворота распахнулись, взметая снег. Испуганная, Олеся еще больше сжалась в своем нехитром убежище, словно пытаясь сделаться меньше, незаметнее, однако продолжила глядеть в просвет между бочек. «Я, верно, пропала! – думала девушка с отчаяньем. – От Ярины не спрячусь...» Мужчины поприветствовали жрицу низким, подобающим случаю, поклоном. Жрица кивнула и... пошатнулась! Схватила за вовремя подставленную руку Старейшины. Олеся смотрела на женщину и сама себе не верила: Ярина больше не излучала силу и уверенность. Да, она была горда и презрительна, как обычно, но... Что-то было не так. Тем временем жрица выпрямила спину и отдернула руку, словно ее пачкало чужое заботливое прикосновение. Посмотрела на мужчин, потом перевела взгляд на трупы чужаков. Стиснула зубы.

– Тела надо сжечь, – повторила Ярина сказанное старостой. – Потом придать воде, а оставшееся развеять по ветру. Только не возле наших жилищ.

– На болотах самое место, – высказался Трофим.

– Да, на болотах, – кивнула жрица. – Поторопимся же!

Последним со двора вышел Жизномир, бормоча под нос:

– Расслабились мы, совершенно расслабились... Теперь жди беды!..

Немного погодя, Олеся выбралась из укрытия. Дым проводил ее до ворот и лениво вильнул хвостом на прощание.

Олеся проснулась на рассвете, но, опоздала – в доме уже не было ни души. Позевывая, девушка спустилась во двор. За остаток ночи снег успел растаять. Голая мокрая земля сиротливо глядела в серое равнодушное небо. Весна пришла. Где-то там, в лесу перекликались людские голоса, а над лесом летела неспешная охранный песня, которую пели все рожавшие женщины деревни вместе со старейшими матерями рода. Слов было не разобрать, но мотив тербил сердце, и казалось, что теперь ничего плохого случиться просто не может.

Олеся шла мимо камня птиц – огромного валуна, заговоренного Яриной. Не удержавшись, коснулась пальцами его шершавой, чуть теплой поверхности. Обвела кончиком пальца выжженный птичий силуэт. Олеся всегда так делала. Ей чудилось, что она может получить благословения от птиц-защитников рода.

Чавкала под ногами грязь, прошлогодние листья липли к подошве, словно хотели последовать за Олесей в чашу, туда, где сейчас должна была совершаться волшба. Девушке так

хотелось посмотреть, хоть одним глазком!.. Но опоздала. Голос жрицы слышался впереди, за густым ельником. Она выговаривала кому-то уставшим злым голосом.

– Не выйдет из тебя толку! Только морока!.. Столько сил я на тебя потратила, столько надежд питала... Напрасно все...

Она говорила все тише, неразборчивей. Та, к кому были обращены бранные речи, тоненько захныкала, и Олеся узнала голос сестры. Вместо того чтобы обрадоваться – наконец-то заносчивая Злата посрамлена! – Олеся испытала острую жалость. Не хотела бы она сейчас оказаться на месте будущей жрицы. И пока девушка остановилась в раздумье: идти дальше как ни в чем не бывало, или погодить, кто-то с треском и хлопаньем ломанулся через елки. Олеся увидела сестру, бледную лицом, только щеки горели лихорадочным румянцем. Глаза Златы были что маленькие озерца, готовые вот-вот снова пролиться. Заметив сестру, Злата резко остановилась и смерила Олеся тяжелым, ничего хорошего не предвещающим взглядом:

– Подслушивала?... Радуетесь, небось?

– Ты сказала жрице... обо мне? О моих способностях?

– Ничего ей не скажу, и не надейся!

И оттолкнув сестру плечом, Злата рванула вперед, так что из-под ног полетели комья чернозема. «Ну что ж, скажу ей сама! – решила Олеся. – Теперь-то она меня выслушает! А не поверит – приведу Карася, пускай подтвердит мои слова!» Девушка вскинула подбородок и раздвинула еловые лапы.

Жрица сидела прямо на земле, прислонившись к стволу и смежив веки. Тонкий палец рисовал в воздухе невидимые узоры. Олеся на мгновение показалось, что между деревьев мотается блестящая паутина размером с колесо от телеги.

– Пожалуй, хватит, – выдохнула жрица, и паутинка исчезла, будто ее и не было вовсе. Под ногой у Олеся хрустнула прогнившая ветка.

– Злата? Помоги мне с... – тут Ярина к своему неудовольствию увидела Олеся. – А, это ты...

Девушка хотела что-то ответить, но жрица перебила ее, снова прикрыв глаза:

– Уйди, не мешай, ради Богов!.. И передай своей сестре, чтобы она немедленно вернулась сюда. Еще столько нужно сделать! ...Как я устала, – пробормотала она уже совсем тихо и обреченно.

Решимость Олеся растаяла при виде этого изнеможенного лица. Она тщетно силилась произнести хоть слово, но горло словно бы одеревенело. «А вдруг Ярина снова заставит вызвать дождь? – с ужасом подумала девушка, – и тогда я окажусь посрамлена... Опять... Но ведь сила моя не в дожде вовсе! А в чем?» Так Олеся простояла еще какое-то время, пока жрица не прикрикнула:

– Ты еще здесь, бедовая?..

И девушка понеслась прочь, взметая прелую листву. Но она не расстроилась, а загорелась решимостью – я ей докажу! Не посмеется больше надо мной!

Глава третья

Случай представился спустя две седмицы. К тому времени в самых глубоких яминах уже растаял снег, а каждое дерево хвасталось молодыми, едва проклюнувшимися листочками. Казалось, в поселении все забыли, что еще недавно по лесу бродили чужаки, а может, были спокойны по этому поводу, ведь защита крепка. Что зря тревожиться! Забот хватает!

Маме нездоровилось. Бледная, почти зеленая, она бродила по дому, то по двору, не в силах взяться ни за какую работу. Олеся следила за ней с затаенным беспокойством, но Дубрава только отмахивалась и шутила. Все хорошо. Девчонке бы успокоиться, о своем подумать, но тревога за мать все нарастала, пока в середине ночи Олеся не подбросило на сундуке резким предчувствием. Вслед за этим на лестнице послышался грохот. Девушка, не помня себя, бросилась в темноту и нашла Дубраву лежащей на нижней ступени без сознания. Не раздумывая, Олеся положила руки матери на живот, и тот час ладони засветились в темноте, словно над пламенем свечи. Дубрава издала тихий стон и снова погрузилась в беспамятство. Со ступеней скатился Стоян, вскрикнул, увидев жену, быстрым жестом дотронулся до ее лица, ловя дыхание.

– Я сейчас! – крикнул он, и бросился за дверь. И не заметил, что руки дочери светятся, что длинные пальцы перебирают в воздухе невидимые нити, словно плетут узоры. Наверху стукнула дверь, и Злата крикнула:

– Что случилось?

– Поди сюда быстрее! – Олесе было трудно говорить, все ее тело, казалось, стало теплой волной и волна эта катится вниз, через распростертые ладони, к матери. У Олеся верно помутилось сознание, она увидела на своих коленях не одного человека, а двоих. Как же это возможно? Когда обычное зрение вернулось, Злата уже была подле сестры. Ее трясло, словно в лихорадке.

– Мамочка!.. Что с ней, скажи? – бессвязно повторяла она. – Ты поможешь ей? Поможешь?

Олеся молча схватила сестру за руку, питаясь ее теплом и направляя тепло через себя. К маме. И ко второй, неясной пока сущности. Так продолжалось какое-то время; тишину нарушали только короткие всхлипывания Златы. Олеся снова пришла в себя, когда над ней склонились две высокие фигуры. Девушка подняла глаза и встретилась взглядом со жрицей. Ярина совладала с удивлением мгновенно, глаза вспыхнули, но тот час снова стали холодными.

– Растопи печь! – велела жрица, обратившись к Злате. Та кивнула и умчалась прочь.

Примостились у огня. Устроили женщину на меховой подстилке, укрыли одеялами. Когда жар заплясал по комнате, жрица достала из заплечного короба связку пахучих трав, и уложила сверху на поленья. Комната наполнилась целебным дымом и запахом летних лугов. Дубрава пошевелилась на подстилке.

– Поспит, поспит и проснется, – медленно произнесла жрица. – Ничего более не угрожает ни ей, не ребенку.

– Ребенку? – ахнула Олеся. Но Стоян не удивился, только успокоено выдохнул и расправил плечи, будто с них свалилось тяжелое бремя.

– Как отблагодарить? – выпалил на одном дыхании. – Что хочешь проси!

Ярина покачала головой:

– Дочери спасибо скажи, – и при тех словах взглянула на Олеся, но ничего по взгляду ее загадочному понять было не возможно. Злата обняла себя за плечи, да так и застыла, немая и жалкая. Ярина вдруг схватилась за горло и зашлась в приступе кашля, потом утерлась и хрипло попрощалась с хозяевами дома.

– А ты до ворот проводи, – сказала Олеся. Девушка кивнула, только сердце екнуло. Во дворе было темно, хоть глаз выколи. Легкий морозец щекотал кожу. Ярина безошибочно нашла тропинку, Олеся едва за ней поспевала.

– Значит, обладаешь целебным даром? – задумчиво произнесла женщина, и в ее словах девушке почудился укор. Олеся снова кивнула, боясь произнести лишнее слово.

– А еще что умеешь?

– Не ведаю, – прошептали непослушные губы.

– Надо ведать! – отрезала жрица, и снова закашлялась.

– Завтра с утра придешь ко мне! – продолжила она, отворяя запор на воротах. Потом обернулась к девушке и велела замереть и закрыть глаза. Олеся стояла ни жива ни мертва, опустив руки вдоль тела, только пальцы нервно сплетались. Жрица приложила холодную ладонь к ее голове и Олеся почувствовала чужое прикосновение внутри себя. Будто кто-то взялся разматывать цветные ниточки ее души. Это было неприятно, но терпимо. Так продолжалось какое-то время, пока у девушки не закружилась голова, а Ярина сказала:

– Ну, хватит пока.

Олеся открыла глаза, слегка покачиваясь от внезапно нахлынувшей слабости.

– Интересно, интересно, – пробормотала жрица. – Определенно, это дар солнца! Богиня Мира к тебе благосклонна, моя девочка!

Олесе было странно слышать ласку в голосе Ярины, но она не могла не улыбнуться в ответ.

– Завтра с самого утра придешь ко мне! – повторила жрица. – Такой редкий дар! Будет очень любопытно узнать, как еще его можно применить! – она потерла руки, будто предвкушая интересное занятие. Потом посерьезнела:

– Грядет беда, Олеся. Помни, твоя сила нужна, чтобы защищать деревню. Боги ведают обо всем, они знали, что нам потребуется помощь, потому наградили тебя этим даром!..

Она невесело усмехнулась, отворила ворота и медленно побрела прочь, не произнося слова прощания. Олеся проводила ее взглядом и закрыла створки. Вот он, миг торжества! Ее признали! Наконец-то! Жаль, что этому способствовали такие грустные события. Но ведь Олеся спасла маму и получила одобрение Верховной жрицы! И кто знает, может быть следующей жрицей станет... она сама? Нет-нет, не стоит пока об этом думать... Олеся вернулась в дом и подошла к матери. Злата стояла лицом к огню и даже не повернулась на звук шагов. Дубрава спала, дыхание ее было ровным и размеренным. Отец дремал рядом, сидя, привалившись к стене. Поправив одеяло, Олеся устроилась рядом на деревянной лавке и вскоре заснула.

Едва разлепив глаза ранним утром, Олеся кинулась к маме, но та все еще спала. Девушка широко зевнула, плеснула на себя воды из бочки и бросилась вон из дома. Ноги несли ее к дому Ярины, сердце заходило в нетерпении. Другая, манящая жизнь теперь ждала Олеся, и девушка торопилась скорее в нее войти. Дорога до деревни показалась слишком длинной, самый быстрый бег – слишком медленным. Волосы развивались за плечами, ветер трепал одежду. Быстрее, быстрее!.. Олеся переполняла такая радость, которую она и не чаяла испытать. Смеясь, она сбежала с горочки и вылетела прямо на площадь. Но тут же остановилась, как вкопанная. Взгляд наткнулся на грустные лица людей. Некоторые бабы плакали навзрыд, утираясь платками. Олеся выхватила из толпы одну из Матерей рода и задала ей вопрос:

– Что стряслось?

Та ответила, заламывая руки:

– Жрица-то! Покинула нас, оставила! Забрали Боги ее к себе! Ох, что ж теперь будет-то с нами, горемычными?!

Олеся споткнулась на ровном месте. Голова отказывалась понимать услышанное, девушка бесцельно оглядывалась по сторонам, пытаясь осмыслить что-то важное.

– Жрица Ярина? – бестолково переспросили дрожащие губы.

– Моя мамаша нашла ее, – сказал подошедший Карась. – Утром куры у нее разбежались, она их ловить, и слышит – крик! Это как раз возле дома жрицы было. Мама в дом, а там наша Ярина. Мертвая уже!

– Да ведь хворала она, все знали, – сказал Щучёк, младший брат Карася. У Олеси сдавило горло. Разве возможно, чтобы судьба так жестоко поступила с ней, когда она была – впервые – счастлива?! Ноги подогнулись, не желая слушаться, и Олеся опустилась на холодный камень. Ее душили слезы, такие горячие, что, казалось, могут оставить ожоги на коже.

Для жрицы Ярины быстро сложили погребальную кроду прямо в центре деревенской площади. Обычных людей хоронили на закате, но жрица – другое дело. Нечего ее духу шататься среди смертных лишнее время, пускай Богиня Мира заберет женщину к себе на небо прямо из огня. Олеся увидела жрицу в последний раз, прежде чем пламя скрыло фигуру в белом. Заголосили женщины и дети. Тучи расступились, и появилось ослепительное солнце. Матери Рода запели похоронную песню. Пронзительная, невысказанная печаль затопила сердце Олеси, рядом всхлипывала сестра и бледная, ослабевшая мама. Стоял поддерживал жену сзади, хмурясь своим мыслям. Когда костер догорел, на некоторое время воцарилось молчание. Словно люди не знали, что следует делать дальше, и растерялись. Потом, будто опомнившись, старейшина выступил в центр и прочистил горло.

– Так решили Боги! – сказал он, стараясь казаться важным и сильным мужем, но голос срывался от волнения. – Не нам оспаривать их решения! Ярина была сестрой каждому из нас, она... Несомненно, это была великая женщина и великая жрица!

Люди поддержали высказывание нестройным хором голосов. Олес взгляд, помимо воли, снова и снова возвращался к черно-красным, еще дышащим углям. Злата сжала руку сестры.

– Но, как вы знаете, Ярина подготовила себе преемницу! – снова заговорил староста и пошел сквозь толпу. Он остановился перед Олесей и Златой, и оглядел их обоих. Олеся замерла, перестала дышать.

– Что ж, Злата... – сказал Жизномир, и Олеся задрожала от разочарования и горечи. – Хорошо ли Ярина научила тебя?

– Хорошо, – произнесла Злата полной тишине.

– Достойна ли ты стать новой жрицей деревни?

Рука сестры дрогнула и отпустила Олесину ладонь. Злата собрала с духом и сказала со всей уверенностью, на какую была способна:

– Достойна!

Староста кивнул, и Матери Рода залили тлеющие угли водой. Дым и пар и вознеслись к небу, окончательно унося душу Ярины к Богам. Доброслава и Малуша сложили круг из пропитанной смолой и воском соломы, затем подожгли. Тарасья вынесла грубую меховую накидку из волчьих шкур, которую издревле использовали для ритуала посвящения в жрицы.

– Разве ты достойна? – зашептала Олеся, не умея справиться с собой. – Ты же ничего не можешь! Это я спасла Карася и нашу маму!

– Кое-что я могу! – зло возразила сестра. – А если будешь хвастать своими чудотворственными способностями, я скажу, что ты провела темный ритуал и украла у меня половину сил, пока я спала! Тогда тебя извергнут из Рода!

Олеся отшатнулась. А Злата как ни в чем не бывало прошествовала в горящий круг и встала на черное крошево углей. Это было частью ритуала, символизирующего переход магических сил от умершей жрицы к ее преемнице, но Олеся не смогла сдержать гримасу боли и отвращения к сестре. Матери Рода помогли Злате снять одежду и предали ее вещи огню.

– С этими вещами сгорает твоя судьба простой женщины, жены и матери! – провозглашала Тарасья и все деревенские бабы принялись громко причитать и ругать девушку. Это тоже

было частью заведенного ритуала. Как и ее предшественница, Злата не испугалась, а церемонно поклонилась Тарасье и сказала:

– Так тому и быть!

Тогда Матери Рода укутали девушку в шерстяную накидку и пропели хором:

– Тогда прими судьбу великой жрицы!

Голоса слились в единое целое и эхом прокатились над землей, призывая в свидетели Богов, и духов, и людей. Олеся прикрыла глаза, представляя себя в центре горящего круга. Жесткий мех касался ее обнаженных плечей, щеки лихорадочно пылали, и взоры всех собравшихся, зримых и незримых, были прикованы к ней. Олеся с трудом отогнала навязчивое видение, которому не суждено было сбыться, и оглянулась вокруг. Как рада была мама! Она вытирала тонкие полоски слез и рассматривала старшую дочь, словно видела впервые. Гордую, прекрасную жрицу! Стоял поддерживал жену за руку, и тоже выглядел счастливым. А какими глазами смотрел на Злату Дрозд! Никогда, никогда он не посмотрит так на Олеся!.. Тем временем девушка в центре круга медленно обернулась вокруг себя и взяла у Малуши жертвенный нож. Острое лезвие разрезало тонкую кожу руки, и алые капли упали на землю. То был дар Богам, горячая кровь новообращенной молодой жрицы. Злата поднялась над кругом, невысоко, задевая пальцами ног черные угли, но и того было достаточно. Люди загомонили, а Олеся только грустно усмехнулась. Она как-то подслушала жалобы сестры, обращенные к Ярине – дескать, с годами ей все тяжелее отрывать от земли.

– Благословляем тебя, богиня—мать Мира, и бог-отец Трог! Благослови и ты нас, детей своих! – воскликнула Злата и наполнила маленькую серебрянную чарку сурицей – священным пьянящим напитком из хмеля и меда. Показав чарку небу, девушка плеснула напиток в огонь, прося о счастье и богатстве для всего Рода. Наполнив сделанную из меди чарку, размером побольше, Злата пожелала здоровья всем членам Рода, и залпом выпила крепкий напиток. На третий раз юная жрица налила сурицу в огромную деревянную чару и передала ее Матерям Рода, а те остальному народу. Каждый славил Злату, выпивал единым духом сколько мог, и передавал сосуд дальше. Когда очередь дошла до Олеся, она хлебнула столько, что подавилась и, смаргивая слезы, пробормотала:

– Славна будь, жрица, – мысленного того вовсе не желая.

Злата, наконец, встала ногами на землю. Ее колени дрожали от усталости и страха, но того никто не заметил.

После церемонии закатили праздничный пир. Деревенские плотники скоро сколотили длинные столы, за которыми могли уместиться все жители. Женщины устали столы горячей сдобой, медовыми лепешками, жареной рыбкой, мясом, да яйцами. Открыли пять бочек хмельной березовицы, заготовленной прошлой весной в немалом количестве. На кострах коптились лучшие поросята, забитые ради такого случая. В огромных чугунных котлах варилась каша с сухими фруктами и орехами.

Злату усадили на почетное место, рядом со старейшиной, и подносили лучшие блюда, первой наливали березовицу в чару. К тому времени ее уже приодели в расшитую понева¹ длинную до самых ступней, опоясали, на ноги приладили тоненькие башмачки из дубленой кожи, а вместо грубой накидки вручили затканную золотом луду². Известно же, чем щедрей жрицу одаришь, тем больше она потом для Рода постарается. И урожай будет хороший, и звери сами в силки пойдут, и скотину никакая хворь не одолеет.

¹ Понева – женская шерстяная юбка из нескольких кусков ткани.

² Луда – разновидность богатой верхней одежды, вроде плаща или мантии.

Конечно, Ярину не забыли, да и как бы смогли? Кое-кто украдкой вытирал слезы, Матери Рода и Старейшина Жизномир казались подавленными, несмотря на натянутые улыбки. Но жизнь продолжалась. И понемногу, захмелев от березовицы, люди начинали привыкать к мысли о новой, молодой жрице. И даже находили в этом приятное для себя – Ярина была строгой, резкой, лишней раз с просьбой не подступишься, а Злата еще совсем девчонка и отказывать никому не посмеет. Так что, набив животы, люди, один за другим, подходили к жрице, чтобы ее поздравить и ненароком вспоминали, что куры плохо несутся, а у дочери часто болит голова и никак не сходит бородавка. И не сочтет ли жрица за труд зайти в гости не позднее завтрашнего дня?.. Наблюдая за вконец смутившейся сестрой, которой ничего не оставалось, как только кивать в ответ на просьбы деревенских, Олеся думала: «Теперь намаешься!» Но это, увы, не приносило желанного облегчения. Вконец устав от своих печалей и замерзнув, Олеся отодвинула нетронутую тарелку с кашей и направилась домой.

На следующий день Трог расписал небо первой весенней грозой, напоминая людям о своем величии. Гроза сменилась резким, холодным дождем, это души людей и зверей возвращались на землю, чтобы переродиться. Дождь прошел и из-за туч показалось красное солнце, изгоняя печаль из сердец. Злата собрала все свои вещи в несколько сундуков, намереваясь покинуть отчий дом. Теперь она была полноправной хозяйкой избы, в которой раньше жила Ярина. Олеся могла только гадать, сколько интересного таил в себе дом жрицы, какие волшебные сокровища хранились за его стенами. Ах, если бы посмотреть на них!.. Но конечно, она никогда не навестит сестру в ее новом жилище. Да Злата и не приглашала. Даже с родителями она теперь держалась подчеркнуто холодно, на расспросы отвечала уклончиво и сухо, хоть и обещала часто навещать. «Ярина была бы ей довольна», – подумала Олеся. Стоя на верхней ступеньке, она смотрела, как сестра роется в своих сундуках, выставленных отцом во двор, проверяя, все ли на месте. Олеся хотела было уже уйти в дом, как вдруг что-то привлекло ее взгляд, словно маленькая птичка метнулась с ветки. Но это оказалась не птичка, под ногами у Златы лежал круглый деревянный оберег с изображением солнца. Тот самый, что жрица Ярина подарила Злате, когда та была маленькой. Кожаный шнурок порвался, но Злата пока того не замечала. Олеся молча подошла к сестре, нагнулась и подняла оберег с земли. Пальцами вытерла налипшую грязь. Дерево оказалось теплым и гладким на ощупь. Злата подняла глаза, удивляясь странному поведению сестры, потом увидела оберег и протянула руку. «Не отдам!» – поняла Олеся. – Ей ни за что не отдам!» Деревянное солнце грело ладонь.

– Дай! – потребовала Злата. – Не твое!

Младшая сестра упрямо помотала головой.

– А ну отдай! – закричала жрица, разозлившись. Олеся отступала, не придумав достойного ответа. Скрипнула калитка, это Горислав с Дроздом пришли помочь отнести сундуки.

– Воровка, – буркнула Злата. – Ну и подавись!

И замолчала, не желая продолжать ссору во всеуслышание. Из дома вышли отец с матерью, они несли пшеничные хлеба и моченые яблоки, собранные для старшей дочери. Олеся посмотрела на оберег, зажатый в руке, и почувствовала стыд. Чем объяснить такой гадкий поступок, как воровство у родной сестры? «Видно злоба и зависть совсем замутили мой разум! Нужно вернуть его», – подумала девушка, но не двинулась с места. Подходить к Злате на людях, объясняться с ней не позволяла гордость. «Пожалуй, сделаю это завтра. Приду к сестре и извинюсь». Юная жрица, тем временем, справилась с собой, и ласковым голосом попросила отнести ее пожитки в новый дом. На Олеся она даже не взглянула.

Как только хлопнула калитка, Олеся бросилась к изваянию Миры, стоящей в сенях. В глазах Богини-матери не таилось укора. Мира смотрела ласково, но грустно.

– Ты прости меня, – пробормотала Олеся, робея под этим взглядом. – Я поступила плохо, знаю! Просто... у меня больше ничего не осталось, понимаешь? – девушка пропустила шнурок между пальцами. – А может, это был знак?.. Может быть Ярина, там, на небе, хотела, чтобы я взяла оберег себе?..

Изваяние молчало.

– Я не отдам его Злате, – сказала тогда Олеся. Ничего не произошло. И Богиня Мира все так же безмолвствовала в полумраке. Кинув на нее еще один взгляд, Олеся выдохнула и бегом поднялась на чердак. Здесь она нынче собиралась устроиться со всеми удобствами, для чего уже перетаскала свои вещи из сени. В старом деревянном сундуке девушка отыскала несколько тонких лент и шнурков из телячьей кожи. Связав их вместе так, чтобы получилась прочная и длинная веревка, Олеся прикрепила на нее деревянный кругляшек. Затем крепко накрепко связала концы веревочки на шее и убрала солнечный оберег под рубаху, пряча от чужого взгляда. И только ночью достала его снова, чтобы при свете луны прочесть то, что было написано на обороте.

– О солнцеликая Мира, богиня-мать, прошу, дай знак мне, если я действительно наделена чудотворственными силами! Заставь мою кожу сиять, как твои лучи!..

И вдруг на чердаке стало светло. Олеся ясно увидела свои руки, тонкие пальцы, сжимающие деревянный оберег. Вырезанное солнце стало горячим. А потом все закончилось. И лишь лунный свет по-прежнему тускло светил в открытое окно.

Глава четвертая

Вот и лето пришло, да такое погожее, какого давно не припомнят! Без сомнения, жрица постаралась! В Роду все идет своим чередом, и никому не худо. В лесах много зверей да птиц, на полях колосятся посевы. Ай да Злата!..

Даже Олеся к своему неудовольствию признала, что сестра не зря зовется теперь жрицей. А что бы делала она сама? Взбираясь на пригорок, Олеся жмурилась на солнце и думала: «Я ведь ничегошеньки не умею! Злату учила Ярина, меня никто не учил. Я все-таки не смогла бы стать хорошей жрицей для своего Рода. Другая судьба мне уготована. Но какая?» Теперь Олеся каждый день поднималась сюда и собирала лечебные травы для матери. Заваренные свежими, они снимали боли в животе и спине, уменьшали тяжесть в ногах. Быстро набрав корзину, девушка бросилась обратно. Подоткнув подол, чтобы не мешал, слетела с горки, помчалась по лесной тропинке и выбежала к дому. Распахнула дверь. Возле печи на лавке сидели мать и отец. Стол перед ними был накрыт вышитым полотенцем, на нем стояли различные угощения, кем-то уже отведанные.

– Олеся, – сказал Стоян сразу, как увидел дочь. – Нынче ты сговорена.

И отодвинулся назад, давая понять, что обсуждаться это не будет. Девушка споткнулась, замерла. Посмотрела еще раз на отца, не веря. Может, послышалось? Стоян молчал. Дубрава улыбнулась дочери и огладила круглый живот.

– За кого, батюшка? – пролепетала тогда Олеся. «Если б за Дрозда!» – мелькнула надежда.

– Приходили Трофим и Малуша.

«Родители Горислава», – осознала Олеся. – А значит... Это Горислав сватался ко мне... Но он же просто друг...»

– Не хочу, – пробормотала Олеся. – Я не пойду!

– Пойдешь, – спокойно отозвался мужчина и отвернулся к огню.

– Как это, ты не хочешь! – всплеснула руками Дубрава. – Все уже договорено! Свадьбу сыграем после русальей недели, на Купальню.

Олеся без сил опустилась на лавку.

– Горислав отличный парень, – продолжала увещевать мама. – Добрый, красивый, а какой высокий! Тебя любит! Будет самым лучшим мужем!

– Пора уже повзрослеть, – добавил Стоян, ворочая поленья в печи. – О детях подумать. А не глупостями заниматься.

– Глупостями? – Олеся задохнулась от обиды. – Ты же видел, как я помогла маме!

Отец хмуро обернулся, и девушка к своему огорчению поняла, что ничего он не видел. А если и видел, то не понял. Не до того было.

– Злата мне рассказала, что ты пыталась помочь, – медленно произнес он.

– Конечно, ты помогла, золотце! – заступилась Дубрава, мягко улынувшись. – Ты была со мной, это самое главное!..

– Да нет же! – воскликнула Олеся. – Я тебя вылечила! Я, а не Злата!

Родители переглянулись.

– Ты голодна? – спросила Дубрава. – Я испекла пирог.

Олеся покачала головой, сжала зубы и вышла во двор.

– Ничего, замужней станет – поумнеет, – утешил жену Стоян.

На следующий день Олеся уже не спешила домой. Набрав охапку целебных трав, она гуляла по холмам, наслаждаясь запахами лета. Но мысли приходили не веселые. «Надо было показать родителям, как светится оберег», – то и дело думала девушка. А потом сама себе

возражала, что это ничего бы не изменило. Ну, поахала бы мама. А потом все равно бы выдала замуж. Жрица в поселении уже есть, и Олеся сгодится только чьей-нибудь послушной женой. Думала девушка и о своем наречном. «Горислав ведь и правда красивый. И добрый», – убеждала себя Олеся. Она принялась наделять парня всевозможными достоинствами, и в конце концов уже самой показалось, что влюблена. Свыкнувшись с мыслями о неизбежном, девушка побрела домой, приминая траву босыми ступнями. Луг стекал вниз зеленой рекой. За раскидистым тополем стоял Горислав, непривычно мрачный.

– Здравствуй, – сказала Олеся, разглядывая своего будущего мужа. Сейчас он показался ей именно таким, каким она его себе воображала: строгим, решительным. Но парень взглянул на Олесю, слабо улыбнулся, и наваждение пропало. Перед девушкой стоял все тот же Горислав, добрый друг.

– Сватался я к тебе.

Олеся кивнула. Парень вглядывался в ее лицо, ища признаки расположения или недовольства.

– Ты скажи... Если не люб... Я пойму.

«Что ж ответить? Скажу, что не люб – родители отругают и за другого отдадут. А вдруг за Карася?! Второй раз отказаться не получится, отец не позволит!»

– Тебе, может быть, нравится Дрозд? – воскликнул тогда Горислав, не услышав ответа. – Так он любит твою сестру!

Олеся вздрогнула. Посреди лета ей вдруг стало очень-очень холодно.

– С чего ты взял, что Дрозд любит Злату?

– Так она же жрица! Каждый был бы рад, если б она на него внимание обратила. А к Дрозду наша жрица равнодушна, это точно.

– Значит, каждый был бы рад, да?.. – разозлилась Олеся. Горислав выставил ладони вперед, словно защищаясь.

– Я не такой, – сказал он. – Мне нравишься ты, – добавил тихо. И это было сказано так проникновенно, что Олеся решилась. Изобразив смущение, она улыбнулась и опустила глаза. Этот жест Олеся подглядела у деревенских девушек, сама она имела слабое представление о всех этих женских штучках. Чувствуя себя глупо, Олеся уточнила, когда же свадьба, словно могла об этом забыть.

– Так на Купальню! – обрадовался Горислав. Он осторожно коснулся ее щеки, и Олеся заставила себя не отпрянуть. Видно судьба такая. Быть ей женой.

Смириться-то – смирилась, но внутри образовался холод. И не интересны были ни свадебные приготовления, ни красный подвенечный сарафан, что шила мама. Злата часто приходила в родительский дом по вечерам, и тогда Олеся не спускалась к ужину. Она слышала, как семья обсуждает ее будущую свадьбу. Злата давала советы и наставления. Будто она в этом что-то смылит!... Родители конечно хотели для дочери счастья. Видя замкнутость Олеси, хмурые брови, в черточку сложенные губы, но не зная причины, они посчитали самым лучшим отдать дочь за хорошего парня. А там глядишь, и повеселеет девка. Внуков родит. Олеся догадывалась об этих мыслях, потому не особенно злилась на отца и мать. Хотя и было горько от того, что родные люди настолько ее не понимают. Что же до сестры, то Олеся уверилась в ее злом умысле. Вполне возможно, именно Злата надумала родителей поскорей выдать Олесю замуж!..

Когда становилось особенно грустно, девушка вынимала из-под рубашки деревянный оберег и подолгу смотрела на него. Нет, она больше не читала заклинания на обороте, в этом не было нужды. Но теплое дерево в руках приносило хоть какое-то успокоение.

Дни, наполненные тяжелой работой в поле, тянулись один за другим, казалось, что медленно, а оглянешься назад – целый месяц прошел. Погода установилась сухая и жаркая, вот уже и на жрицу роптали – ни одного дождичка у Богов не выпросила!.. Злата только отмахивалась:

«Будет вам дождь!» Олеся, вместо того, чтобы наслаждаться последней свободой, с каждым днем все сильнее проваливалась в уныние.

Но в один из дней произошли события, которые заставили девушку на время забыть о своих переживаниях. Подняли лай собаки, потом в лесу раздался хриплый вопль. Это горепутник попал в одну из волшебных ловушек на подступах к поселению. Всем Родом бросились в чащу. Там, за кустами бузины в серой грязи тонул человек.

– Помогите! – закричал он что есть мочи, увидев людей. – Спасите! Погибаю!

Стоян и Трофим споро ухватили мужика за руки и вытянули на сухое место. Грязь с хлюпаньем ушла куда-то вниз, и на поверхности осталась только маленькая черная лужица. Будто и не было трясины. Эту ловушку еще Ярина ставила...

Мужичка утвердили на ноги, но он, кажется, не мог толком стоять, все заваливался набок, и без конца оглядывался по сторонам.

– Убежал? – спросил он наконец трясущимися губами. – Убежал я, а? Скажите, братцы?

– От кого бежал-то? – осведомился Старейшина Добромир. Путник затрясся, пошевелил губами, сился что-то сказать, и повалился без чувств. Это был низенький и плотный телом человек со спутанными волосами и маленькой рыжей бородкой, возрастом зрелый, но не старый. Одежда, даже покрытая слоем грязи и порванная во многих местах, выглядела дорого, Олеся никогда такой не видела. Длинную свиту украшала диковинная вышивка, поверх был надет тонкий и легкий безрукавный плащ – вотола, закрепленный на золоченую пряжку, на ногах – высокие красные сапоги. Тарасья осторожно осмотрела лежащего мужчину и сказала, что кроме многочисленных царапин, у бедняги, похоже, поломана правая нога.

– Отнесем его в мой дом, это ближе всего, – решил Стоян. Спорить не стали. Пока несли, мужчина пришел в себя и застонал.

– Нога! – воскликнул он. – Как больно!

– Ничего, заживет твоя нога! Отлежишься у нас немного и будешь как новенький! – ласково молвила Тарасья.

– Что же с тобой случилось? – вновь не выдержал Старейшина, шедший рядом.

– На нас напали! – голос мужчины задрожал от нахлынувших воспоминаний. – Я ехал по торговым делам из Дубрянска в Лихоград. Вдруг выскочили *эти*, в черных одеждах. Они... Они убили всех моих людей, и даже лошадей, и собак! Я не помню, как побежал! Только кусты мелькали, деревья; я слышал, *они* сзади, преследуют меня... Я бежал, что есть мочи! Потом упал в какую-то яму, кое-как выбрался и снова побежал. А потом вы меня нашли.

– Кто *они* такие? – спросил Стоян, переглянувшись со Старейшиной.

– Нечисть, – уверенно сказал чужеземец. – Вроде людей, но не люди!

И мужчина снова закрыл глаза, погрузившись в беспамятство.

В доме его положили на лавку поближе к очагу. Дубрава заботливо обработала раны колодезной водой и соком подорожника, перевязала чистыми лоскутами, а ногу примотала к чурбачку, чтобы лучше срасталась кость.

– Поправится! – уверенно заявила Злата, переступив порог последней. Олеся только хмыкнула. Тогда жрица сверкнула глазами в сторону сестры и демонстративно встала перед изваянием Миры. Произнесла нараспев:

– О солнцеликая Богиня-Мать, яви милость свою этому доброму человеку! Помоги ему исцелиться от ран, помоги залечить душу от ужасных потрясений!..

Наступила тишина, все ждали чего-то, может быть чуда, смотрели то на больного, то на деревянную Богиню. «Молить о доброй погоде у тебя выходит гораздо лучше!» – решила Олеся. Тарасья прочистила горло и предложила оставить чужеземца в покое.

– Он и так настрадался, небось. Придет в себя – сам все расскажет. Да и, боюсь, не услышим мы ничего нового.

И женщина вышла за дверь. Стараясь не шуметь, за ней потянулись все остальные, тихо переговариваясь между собой. Жизномир растерянно щипал себя за бороду и хмурил брови.

– Меня зовут Игнат Добродуб, – представился чужеземец, когда Олесь вошла в сени и поставила перед гостем обед: наваристый куриный бульон, ломоть хлеба, половину головки пресного сыра и несколько зеленых яблок. Мужчина, кажется, вполне пришел в себя. Он сидел на лавке, опираясь на стену, и с интересом оглядывался по сторонам. Это было на следующий день, родители Олеси ушли в поле, а дочери наказали остаться дома и ухаживать за больным гостем. Девушка была только рада, ей не терпелось расспросить мужчину о крае, откуда он прибыл. Олесь слабо представляла себе, что находится за лесом в одном дне пути. Конечно, она знала, что где-то там тоже живут люди. Случалось, заезжали торговцы (в основном, сбившиеся с дороги), меняли разную утварь и оружие на меха и зерно. С их слов Олесь узнала, что есть на свете *города*, где живет сто Родов сразу, есть Рода и деревни навроде Олесеного, а есть места страшные, и обитает там одна лишь нечисть, которая питается людскими душами, или чем похуже. Последнее часто повторял отец, дабы младшая дочь не слишком увлекалась чужими рассказами про дальние земли.

– Олесь, – девушка присела на лавку рядом и подвинула угощения ближе к гостю. – Вы кушайте. Вам силы нужны, чтобы поправится.

Игнат кивнул и жадно принялся за еду. Наконец-то Олесь смогла его внимательно рассмотреть. С удивлением она отмечала, как сильно внешность гостя отличается от привычной глазу. Хотя он был так же темноволос и черноглаз, как и все из ее Рода, но волосы на свету отливали медью, а не серебром, борода и вовсе казалась рыжей, а глаза выглядели светлее, и по цвету походили на орехи в меду. Кожа мужчины была розовато-коричневой (весь Род имел снежно-белую кожу, и даже работая под палящим солнцем лица деревенских приобретали лишь слабый песочный оттенок), а черты лица казались непривычно крупными и грубоватыми.

Закончив трапезу, мужчина добродушно поблагодарил Олесь.

– Вы простые и хорошие люди, – добавил он. – Как зовется ваш Род?

– Светозари.

Игнат задумался, потом покачал головой:

– Никогда о вас не слышал.

Олесе стало обидно, что человек, сидящий перед ней, никогда прежде не слышал имя ее Рода.

– Это очень древнее имя, – назидательно, словно маленькому ребенку, объяснила Олесь. – Давным-давно Богиня Мира очнулась ото сна на этом самом месте...

Игнат нахмурился, словно не поверил, словно слышал это впервые, а девушка продолжала:

– Она подняла голову и увидела на небе прекрасного, сильного Трога, и, конечно, тут же влюбилась! Тогда Богиня Мира полетела на небо, сверкая так сильно и ярко, что от божественных искр родились люди. Это была первая на свете заря.

– Красивая легенда.

– Это не легенда! – возразила уязвленная Олесь. – Так все и было! Искра Богини есть в каждом из нас!

– Значит, вы принадлежите к древнему и могучему Роду?

– Да.

– Что же тогда не разобьете ту нечисть, что разбойничает возле ваших границ?

Олесе пришлось задуматься, прежде чем дать ответ. Староста Жизномир часто повторял: «Мы не воины! Испокон веков живем земледелием и охотой, а не убийством!» Девушка сказала чужеземцу то же самое.

– Тогда вас давно должны были завоевать ваши же соседи! – хмыкнул Игнат.

– У нас сильная Верховная жрица! – возразила Олеся. Потом осеклась. Сильная ли? Ярина была сильной жрицей. Но Злата?..

Но оказалось, что Игнат удовлетворен ответом. Олеся поднялась, убрала со стола, поставила перед мужчиной кувшин с хмельной березовицей, дабы гость мог утолить жажду. Выпив, Игнат порозовел лицом, размяк и начал неторопливый рассказ о дальних краях. Олеся слушала с интересом и пыталась себе представить то, о чем ей толковал рассказчик. Игнат был родом из Дубрянска, по его словам это крупный город в трех неделях пути к северу. Олеся узнала, что в этом городе у всех такие же чудные имена из двух слов, как у Игната Добродуба.

– Первое дают родители, второе – народ, – важно объяснял мужчина. – Правит Дубрянском князь Ермолай Студеный, по жилам которого течет ледяная кровь, а кожа и волосы блее муки. Ни огонь, ни женщины, ни хмельные напитки не могут его согреть.

– А ваши жрицы пытались его вылечить? – пытливо спросила девушка.

– А то как же! И целители, и травники. С детства князя пользуют. Но сколько не пытаются – все без толку! – развел руками Игнат. Помолчал. Чуть погодя продолжил: – Есть у князя красавица-сестра Калинка, которой уже двадцать, а замуж все не вышла, – тут в голосе рассказчика послышалось легкое осуждение.

– Как же так? – заинтересовалась Олеся. – Вы же сказали – красавица!

– Всех сватов прогоняет. И нет на нее управы, родители померли давно, а брат во всем потакает. Так и сидит Калинка девкой незамужней...

«Вот бы мне оказаться на месте этой княжны! – с завистью подумала Олеся. – Чтобы только я сама свою судьбу решала! Чтобы никто не указ!..» Вспомнив о собственной скорой свадьбе, девушка поскучилась и потеряла интерес к беседе. Да и Игнат утомился, допил березовицу и прилег на лавку.

Теперь вечер за вечером в дом приходили почтенные мужи деревни и о чем-то толковали с Игнатом Добродубом. Завидев гостей, отец сразу отсылал Олесю наверх к матери, и запрещал спускаться до той поры, пока гости не разойдутся. Так что услышать, о чем они говорят и спорят (иногда снизу доносился нестройный хор возмущенных, перекрикивающих друг друга голосов), не было никакой возможности. Дубрава изматывала Олесю долгими наставлениями по домашнему хозяйству, которые непременно пригодятся девушке, как только она станет замужней, потом заговаривала о свадебных приготовлениях и том, кого куда лучше посадить за праздничным столом. Олеся бралась за маленькое круглое пяльце из дерева, и принималась вышивать, пропуская большинство слов мимо ушей, только иногда кивала, чтобы мама не сердилась.

– Хорошо, – улыбнулась Дубрава, когда в очередной раз не услышала от младшей дочери возражений. – Доброй женой будешь, покладистой!.. А Горислав-то избу для вас ладит, знаешь?

– Избу? – переспросила Олеся, подняв голову.

– Ага, у Старейшины испросил разрешение, рябинку прикопал посередке сруба, все как положено... Рубит с братьями деревья и строит потихоньку. Так что будете своим домом жить! – она улыбнулась, но вышло как-то не весело, – Хорошо хоть у меня скоро деточка родится, а то бы я совсем загрустила... Сама ведь знаешь, у нас места много, так что всегда можете жить у нас. Вместе веселее!

«Жить своим домом», – подумала Олеся и почувствовала прилив нежности к своему будущему супругу. Мысль приятно волновала. Кроме сундука с приданным у Олеси никогда ничего своего не было.

...Милый, милый Горислав!.. Быть может, замужество – это не так уж и плохо?

Олеся распахнула двери хлева пошире, для проветривания, и вошла внутрь. Две пятнистые свиньи, три молодые козочки, несколько куриц и рыжая кобыла, пасущиеся в загоне, про-

водили девушку заинтересованными взглядами. После яркого дневного света глаза не сразу привыкли к полутьме; Олеся на ощупь взяла старые вилы возле стены, и принялась выгребать грязную солому, использующуюся в качестве подстилки для животных. Занятая делом, девушка не сразу заметила, что за ней кто-то наблюдает из-за забора, напротив входа в хлев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.